

УСТИНОВА Юлия Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия, Брянск), e-mail: julija0404@yandex.ru, AuthorID: 840689

USTINOVA Y.N., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russian Federation, Bryansk), e-mail: julija0404@yandex.ru, AuthorID: 840689

ЦЕНЗУРА КАК ИНДИКАТОР ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ НАСТРОЕНИЙ И ПРАКТИК В 1914–1917 ГГ. (НА ПРИМЕРЕ ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ)

CENSORSHIP AS AN INDICATOR OF SOCIO-POLITICAL ATTITUDES AND PRACTICES IN 1914-1917 (EVIDENCE FROM THE GERMAN EMPIRE)

Аннотация. Цель статьи – охарактеризовать феномен понятия «цензура» как индикатор общественно-политических настроений и практик в 1914–1917 гг. в Германской империи. В этот период возросла роль информации, методом осуществления контроля над которой стало возобновление цензуры, отменённой в 1870-х гг. Но изменились условия реализации закона. Имперская власть не имела опыта организации и проведения информационной работы в военное время. Работа цензурных ведомств существенно изменила содержание новостных сводок и внешний вид номеров газет. Отныне сообщения о событиях с фронта печатались строго в патриотическом духе; практиковалось преднамеренное замалчивание реальных событий; частой была печать откровенно ложных сведений; чтобы избежать тревожности населения большие объемы материала вырезали из уже готового номера, так появлялись «цензурные дыры» или «белые пятна». Главной характеристикой новостей стало их однообразие. В таком фоне стал раскручиваться маховик слухов и домыслов, что постепенно создавало напряжение в обществе, приводило к его поляризации. Несогласованность действий в высших политических и военных кругах, отсутствие политического единства в парламенте приводило к ужесточению действовавшего режима как возможности выхода из сложившегося положения. Все эти процессы сопровождалось появлением беспокойных, даже реакционных, настроений населения, усилением недоверия немцев к кайзеру и власти в целом, ухудшением социально-экономической обстановки в стране. Кульминационный период пришелся на рубеж 1916–1917 гг. Разрешением ситуации стала ноябрьская революция 1918 года.

Статья написана при поддержке Российского научного фонда.

(Проект № 22-28-00900 «Российская периодическая печать и цензура на театре военных действий как индикаторы общественно-политических настроений и практик (1914–1917 г.)»).

Ключевые слова: цензура, информация, военные цели, доверие к власти, Первая мировая война, Германская империя.

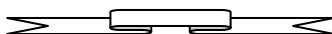
Abstract. The purpose of the article is to characterize the phenomenon of the concept of «censorship» as an indicator of socio-political attitudes and practices in 1914-1917 in the German Empire.

During this period, the role of information increased, the method of exercising control over which was the resumption of censorship, abolished in the 1870s. It stressed that the conditions for the implementation of the law are changed. The imperial government had no experience in organizing and conducting information work in wartime. The work of censorship agencies has significantly changed the content of news reports and the appearance of newspaper issues. From now on, reports on events from the front were printed strictly in a patriotic spirit; deliberate silencing of real events was practiced; printing of frankly false information was frequent; in order to avoid the anxiety of the population, large volumes of material were cut out of the already finished issue, so «censorship holes» or «white spots» appeared. The main characteristic of the news was their monotony. Against this background, the flywheel of rumors and speculation began to unwind, which gradually created tension in society, leading to its polarization. The inconsistency of actions in the highest political and military circles, the lack of political unity in parliament led to the tightening of the current regime as a way out of the current situation. All these processes were accompanied by the emergence of restless, even reactionary, moods of the population, the strengthening of German distrust of the Kaiser and the authorities in general, the deterioration of the socio-economic situation in the country. The culminating period occurred at the turn of 1916-1917. The resolution of the situation was the November revolution of 1918.

The article is written with the Russian Science Foundation's support.

(Project No. 22-28-00900 «The Russian periodical press and censorship in the theater of military operations as indicators of socio-political sentiments and practices (1914-1917)»).

Keywords: censorship, information, military objectives, trust in the government, First World War, German Empire.

ВВЕДЕНИЕ

Периодическая печать в годы Первой мировой войны в Германии была признана четвертым оружием, которая, как армия на земле, в воде и воздухе, ковала победу. В рассматриваемый период именно печатные издания стали самым массовым источником и ретранслятором новостных сводок. Они стали посредником между армией и тылом.

Военное время требовало пересмотра отношения ко многим вопросам, в том числе и к информации. Главным регулятором работы прессы, обеспечивающим полный контроль за её функционированием, выступила власть посредством специально созданной разветвленной структуры ведомств. Нормативно-правовое регулирование данного процесса осуществлялось на основе распоряжения о введении цензуры прессы. Цензура прессы действовала в Германии до середины 70-х годов XIX века, затем была отменена. Возвращение к цензуре в 1914 году было продиктовано новыми обстоятельствами и произошло в совершенно иных для страны и для власти условиях. Германское правительство не имело опыта ведения информационной войны: отсутствовала документальная база о работе цензурных органов и их взаимодействии с местными изданиями, не была налажена информационная работа между армией и населением, не были разработаны меры в случае нарушения цензурных положений, отсутствовала документация об информационном взаимодействии с соответствующими службами союзников и др. Парламент Германии тем более не мог предположить возможную реакцию на представляемую информацию со стороны не только стран-союзников или врагов, но и местного населения: политической элиты и реакционных кругов, простого обывателя и сотрудников печатных изданий. Предстояла большая работа, которая требовала времени и грамотных специалистов. В начале войны правительство придерживалось положений, действовавших почти 40 лет назад без поправки на текущую ситуацию.

Цензурные органы первоначально были созданы в столице и крупных городах, постепенно их отделы появлялись в регионах. Одна из поставленных перед ними первоочередных задач – не допустить появления в печати материалов о ходе мобилизации, действиях войск, военных буднях солдат, условиях жизни в тылу под влиянием военных событий (нехватка продуктов питания, отсутствие транспорта, повышение цен на услуги и товары и др.) и т. д. Если в первые месяцы войны цензура была направлена исключительно на патриотическое освещение хода военной кампании, то вскоре эта задача распространилась и на политические вопросы и тем самым приобрела военно-стратегическое значение. Главный принцип публикации всех новостей и докладов – пресса не должна транслировать свою точку зрения на военные дела и процессы, происходившие в империи, союзных государствах и армиях [1, S. 15]. Военная цензура в Германии уже с самого начала боевых действий вынуждена была подключиться к активному противодействию распространению в периодической печати настроений, которые свидетельствовали об отсутствии твердой поддержки населением ведущейся войны.

Если столичные издания вынуждены были сразу перейти на новые инструкции по размещению информации, то провинциальные газеты, ввиду удаления от власти, некоторое время работали «по старинке», выпуская в печать весь подготовленный материал без учета идеологической составляющей. Например, в Германии, кроме Баварии, так называемые цензурные пробелы были строго запрещены, ибо населению не следовало знать, что информация была подвергнута цензуре [2, S. 49]. То есть взаимодействие между цензурными ведомствами было недостаточно налажено. Чтобы продолжать работу, печатные издания вынуждены были либо подчиняться цензурным требованиям и, таким образом, постепенно терять своего читателя, либо регулярно вступать в профилактические беседы с полицией, оплачивать штрафы и так долго, как возможно, сообщать

реальные новости, расширяя свою аудиторию. Отметим, что спрос на правдивую информацию только увеличивался. Государственные структуры с нарастающей силой вмешивались в работу прессы, и тем самым контроль за информацией становился всё жестче. Антивоенные газеты пытались финансово задуть либо взять их журналистов под стражу [2, S. 52].

Для центральной власти ведущей задачей было создание и поддержание патриотического духа среди населения, вера в победу германской армии. Германское военное командование пребывало в полной уверенности в скорой победе. Подобные настроения транслировались через сообщения немецких газет в первые месяцы войны, каждый номер начинался с информации о скором успехе немецких войск. Германское правительство старалось поддерживать патриотический дух граждан, веру в победу, аргументируя необходимость ведения и продолжения войны до победного конца. Но совсем скоро реальная ситуация на фронте перестала соответствовать желаемой. Тогда стали появляться «заготовленные» новости, которые сообщались журналистам на специальных конференциях. Наиболее наблюдательные читатели вскоре стали замечать несоответствие информации в материалах разных изданий.

В начале сентября 1914 года «Berliner Lokal Zeitung» в триумфальной манере сообщала о победе над русской армией при Танненберге в Восточной Пруссии, что, несомненно, задавало тон всему ходу событий. Однако уже в сообщениях о битве на р. Марна 8–11 сентября 1914 года во Франции непреднамеренно стали известны факты несоответствия или расхождения между информацией в прессе и реальными событиями. Так, «Vossische Zeitung» от 10 сентября 1914 года сообщала об успехе немецких войск на р. Марна, хотя войска кайзера потерпели сокрушительное поражение, которое отодвинуло на далекую перспективу победу над Францией [3]. Расхождение фактических данных и газетной отчетности постепенно становилось характерным признаком повсе-

дневной жизни.

Кроме того, огромное количество созданных цензурных ведомств разного уровня часто не успевали согласовывать свои действия до появления информации в печати. Курьёзной стала ситуация, когда в июле 1916 года высшая комиссия по цензуре распорядилась оставлять оригинальный текст официальных военных отчетов врага и союзников, а именно без подчеркиваний, изменений и специальных заголовков. Так, в одной региональной газете была напечатана статья из иностранной прессы. Публикация соответствовала всем требованиям инструкции. Но когда статью прочли в высшем военном ведомстве, где военные доклады союзников всё чаще ссылались на «истощение немецкой военной мощи», было слишком поздно отдавать приказ о запрете выпуска [1, S. 19].

Становившиеся всё более частыми подобные конфузные ситуации создавали панику у населения, постепенно формировалось недоверие к кайзеру и власти в целом. В стране из-за отсутствия истинной либо наличия лживой информации возникала ситуация хаоса: чего ожидать, кому верить? Все события, факты, которые могли тревожить население, вызывать антивоенные или реакционные настроения, смягчались, подвергались профилактической цензуре. С течением времени была введена в практику самоцензура. Любые сомнения в победе германской армии полностью подавлялись. Самыми рискованными для публикации были следующие темы [2, S. 59–61]:

1) критика армии и несанкционированные новости о военных неудачах, мятежах, военных преступлениях;

2) информация о количестве жертв на фронте, жертв эпидемий;

3) несанкционированные письма солдат, так как только в 1916 году был отменен контроль полевой почты;

4) информация о шпионаже;

5) пацифистские публикации.

Контролю подлежала и информация, содержащаяся в рекламных сообщениях. Так, одна из газет была обвинена в рекламе с

откровенным заголовком «Разыскиваются толстые собаки» [2, S. 63]. Интересный факт, что наличие ограничений провоцировало появление еще большего количества публикаций, их было в изобилии.

Сами сотрудники печатного дела понимали значение введения цензуры как фактора контроля и политического спокойствия власти, признавали осуществляемую патриотическую миссию, но также и все негативные явления, сказывавшиеся на развитии печатного дела, что неоднократно обсуждалось ими на заседаниях отраслевых организаций [4].

На политической арене инициаторами отмены цензуры выступали партии левого толка – социал-демократы и часть прогрессистов, так как сложившаяся ситуация непосредственно сказывалась на работе их партийных печатных изданий. По словам главы объединенного немецкого Генерального штаба «пресса, которая не служит целям ведения войны – это вредное явление», она должна постоянно подтверждать свою высокую патриотическую ценность. Социал-демократы, транслируя свои интересы через публицистику и прессу, ссылались на утверждение, что чем мощнее публицистика, тем мощнее авторитет государства; чем мощнее государство, тем авторитетнее пресса [5].

Чтобы избежать обсуждения вопроса на парламентских заседаниях, представители проправительственных партий – консерваторы и национал-либералы – предпочитали переводить дебаты на область внешней политики, лишь косвенно касаясь вопроса о цензуре. Такое развитие событий не устраивало социалистов, и в своих выступлениях они настойчиво пытались вернуть внимание коллег к интересующей их теме, бросая обвинения в сторону буржуазных партий в отсутствии чувства патриотической заботы [5]. Цензура сильно искажала факты действительности, что вводило народ Германии в чудовищное заблуждение, именно в этом левые видели наибольший вред от ее применения. «Депутаты ошибаются относительно настроений германского народа. После

войны будет большое всеобщее разочарование и отвращение к оружию», – заключали они [6].

Несоответствовавшие реалиям новости стали пусковым механизмом в маховике негативных событий, которые получили развитие в дальнейшем. Получив импульс, далее все события и процессы нарастали как снежный ком. Отметим, что многие вызывавшие отрицательную реакцию со стороны общественности темы стали открыто обсуждаться только в 1916–1917 гг. Именно на это время пришлось аккумулятивное всех негативных тенденций в стране. Одной из таких стал злободневный вопрос нехватки продовольствия.

Затянувшаяся война требовала новых людских ресурсов и всё больших финансовых вливаний. Это обстоятельство печально сказывалось на социально-экономической ситуации в стране. Особенно остро вопрос нехватки продуктов питания возник на рубеже 1916–1917 гг. Только в ноябре 1916 года было выпущено четыре инструкции для прессы, где журналистам было предложено избегать сенсационных новостей о высоких ценах на продовольствие, сообщений о нападении на торговцев и владельцев магазинов и даже в шуточной форме запрещалось уведомлять о нехватке продовольствия [2, S. 63]. Как бы ни старалось правительство разрешить вопрос, от многообещающих речей на страницах газет продукты питания на магазинных лавках не появлялись.

В 1917 году информацию о проблемах с обеспеченностью продуктами, участившиеся конфликты между городским и сельским населением разрешили публиковать только в региональных газетах с оговоркой о запрете критики общей ситуации с поставками [2, S. 63]. Также имела место и несогласованная работа ведомств по данному вопросу, что не ускоряло решение проблемы, а создавало еще большее социальное напряжение. Так, управление по снабжению продовольствием выступало за открытое обсуждение проблем с поставками, тогда как управление иностранных дел хотело утаить эту новость,

чтобы избежать огласки за рубежом, что якобы правительство Германии не может накормить собственный народ [2, S. 40]. К тому же в рейхстаге неоднократно поднимался вопрос о ростовщичестве продуктами питания, обсуждение которого уже несколько недель было запрещено в прессе [7].

Вскоре после введения цензуры вся военная и гражданская власть была передана военным командирам. То есть они становились еще и политическим фактором власти, подотчетным только императору в качестве Верховного главнокомандующего. Вся власть оказалась сконцентрированной в руках военных. Изначально перед военными и политическим руководством стояли разные задачи. Генеральный штаб делал ставку на мобилизацию всего общества на тотальную войну до всеобъемлющей победы. Его не очень интересовали настроения и проблемы тыла, главной заботой была ситуация на фронте. Политические власти были ориентированы на решение будничных, повседневных проблем немцев – вопросов обеспечения продовольствием, предоставления образования, ухода за нуждающимися, обеспечения различного рода услуг коммунального хозяйства и транспорта.

Постепенно в рейхстаге всё чаще стал звучать вопрос о конституционной компетентности решений, принимаемых военным командованием относительно военных задач, так как недовольство отсутствием побед нарастало. Военные командиры также не понимали губительность своих распоряжений в политической сфере, например о закрытии кинематографических театров. Депутаты неоднократно обращали внимание на то, что нужно избегать жестокости, чтобы не спровоцировать крупные возмущения в регионах [7]. Несовпадение новостей в разных изданиях приводило к появлению домыслов и догадок. Всеобщая подозрительность и недоверие отражались и на авторитете правительства и кайзера, который стал стремительно снижаться. Уже весной 1916 года представитель высшего военного ведомства сообщил главе военной пресс-службы, что пресса и парла-

мент активно обсуждают возможность выведения цензуры по политическим делам из-под контроля военного ведомства и передачу гражданскому ведомству под ответственность имперского канцлера [1, S. 17]. В данной ситуации потеря власти военным руководством была использована политической элитой для усиления собственной позиции внутри страны. Однако и военные свои неудачи ловко списали на промахи политического руководства. С этим связывали ведение войны под водой, когда канцлер пытался объяснить общественности, что нападение на торговые суда без предупреждения поможет достичь успеха в войне; а также вступление в войну США, что могло поднять волну озабоченности населения относительно ожидаемой американской помощи вооружением. Уже с весны 1916 года сторонники консерваторов и Всегерманского союза публично стали делать заявления против работы канцлера Бетман-Гольвега [1, S. 16]. Уход Т. фон Бетман-Гольвега с должности стал закономерностью общего развития, которая началась уже с 1915 года. Напомним, что в рейхстаге критика цензурной политики была неизменно острой, и новый канцлер в своем послании от 29 ноября 1917 года обещал уделить особое внимание вопросу устранения политической и ограничения военной цензуры.

Цензура показала свою несостоятельность, так как оказалась очень чувствительна к несогласованности действий между политическим и военным руководством и эгоизму отдельных ведомств. Когда первый глава прессы при рейхсканцлере Магнус фон Браун поздним летом 1917 года приступил к своей деятельности с целью смягчения цензуры, было уже слишком поздно. На повестку дня выходил нестандартный для Германии вопрос о доверии правительству. В обществе «Немецкая пресса Богемии» отмечали, что народ больше верит материалам газет, чем канцлеру и кайзеру. «Человек представляет себе мир, как он изображен в газетах. В этом сила и мощь прессы. Эта сила основана на вере и доверии народу. Газета, попадая в

руки читателя, становится как целительный фунт. Инструкции ведомства... это путь к уравниловке газет и урегулированию общественного мнения» [4]. Германское правительство могло подвергнуть сомнению саму войну или существующую социальную модель общества, но никак не политическую, что подрывало бы сами основы государства, поэтому и создало такую разветвленную сеть цензурных ведомств и организовало жесткий контроль за «чистой» информацией.

Каждая страна разработала свои ограничения в вопросе информирования населения. Для Германии принципиальное значение имели новости о депортациях с оккупированных территорий, любого содержания статьи о кайзере, информация о зверствах турецкого народа, обсуждение целей ведения войны.

Вопрос о целях ведения войны был закрыт для обсуждения в широких кругах и относился к компетенции особых заседаний правительства при кайзере. Однако косвенно и аккуратно этой теме касались и депутаты парламента. В первые годы войны опорой политики кайзера и канцлера являлись консервативные и национал-либеральные силы. Часть прогрессистов и социал-демократы составили противоположный лагерь. Социал-демократы часто поднимали на заседаниях неудобные вопросы, такие как об отмене цензуры, о доверии власти, о заключении гражданского мира, о переориентации внутренней политики и др. Например, левые хотели получить аргументированный ответ на вопрос относительно плана нападения на Бельгию в августе – октябре 1914 года, так как с официальной трибуны война провозглашалась оборонительной. В указанном случае война становилась наступательной, что вызывало возмущение левого крыла. Несмотря на то что данная тема никогда не стояла на повестке дня в парламенте, социал-демократы старательно пытались в рамках основного доклада получить ответы на свои вопросы. Тема обсуждения целей войны была настолько злободневной, что привела к расколу во фракции – К. Либкнехт со сторонниками отделился от партии.

На рубеже 1914–1915 гг. избежать и остановить обсуждение тем о внешних военных целях и внутренней «переориентации» было невозможно, когда влиятельные заинтересованные стороны потребовали завоеваний, выходящих далеко за рамки достаточной обороны страны. За исключением меньшинства социал-демократов, все политические фракции выступали за наступательные военные цели. Программа более умеренных сил исходила из заключения мира после победы и была направлена на гегемонию Германии на континенте [3].

Социалисты выступали против политики двойных стандартов, хотели общественного обсуждения военных целей в полной мере, а не ограниченно, хотели мира без аннексий [7]. Буржуазные партии поддерживали аннексию. Они требовали продолжения войны и аннексии. В сторону социалистов постоянно шли обвинения, что их «подрывные» речи направлены против интересов отечества, а подобного рода заявления и рассуждения о целях войны могут только расшатать мораль народа. «Мы нуждаемся в святости и сплоченности. Все могут объединиться и тем самым поспособствовать делу победы нашего народа», – заключил госсекретарь – представитель правого блока – на одном из заседаний парламента [7].

Злободневным был и вопрос о заключении гражданского мира внутри страны. В конце 1916 года отдел новостей Генерального штаба войск попытался дать определение гражданского мира, что предполагало собой «стремление сохранить дух сплоченности и преданности ради великих целей» [8]. Для его достижения нужно было всем общественным и политическим силам прийти к консенсусу относительно наиболее злободневных тем. Социалисты отмечали, что проводимая в прошлом политика уже не применима для решения вопросов текущего момента. Сейчас, в военное время, необходимо единение сил: только выполнение этого условия сможет гарантировать победу нашей армии. Как выступающих против цензуры, их, конечно, омрачало частое появление «белых

пятен» на страницах газет. В противоположном случае эти «дыры» изменили бы общее впечатление, так как там могло быть сообщение об успехе германских войск, что послужило бы толчком к еще большему оптимизму. Цензура в нынешнем ее применении становилась неприемлемой. Ее введение левые называли ошибкой, которая «с каждым может приключиться», главное – её признать и исправить [8].

Так как в рейхстаге не было единства мнений ни по одному из актуальных вопросов, социалисты заявляли, что гражданский мир невозможен. «Мнение одного свободно для выражения, а любое другое – подавляется» [7]. В качестве примера приводили критику социалистической прессы цензурными органами. Типографиям было разрешено отдавать номера в печать только в случае соблюдения «госзаказа» на публикации. Так как социал-демократы вели не самые патристические беседы по ряду тем, соблюдать требования цензурных органов было затруднительно. Таким образом, чтобы достичь гражданского мира, нужно любыми способами запретить всё нежелательное, так как нельзя подрывать доверие народа к правительству. Если рассматривать вопрос на примере прессы, то только та пресса была разрешена, которая отражала доверие народа к правительству [7]. Все споры в рейхстаге завершались под девизом «Единство, а не разделение», особенно когда не удавалось договориться. Этот аргумент был как патристическое оружие против «мешающих миру» социал-демократов. Последние в ответ парировали, что «картина безмятежной германской общественности очень дорого обойдется политикам» [9].

Рассматриваемые вопросы параллельно поднимали и тему переориентации внутренней политики Германии. Когда факты всё больше подтверждали, что немецкой армии не удастся одержать победу, в рейхстаге стали звучать фразы касательно необходимости проведения внутренних реформ. Консервативно-националистические силы на политическом уровне интерпретировали мир

как подтверждение существующего порядка и идеальную форму государственного устройства. В более умеренном лагере правительственных и буржуазных сил понимали, что военно-политическое и патристическое участие всех партий и групп населения если не во время войны, то после ее победоносного окончания должно быть удостоено реформ [3]. Консервативные силы были на стороне военных. Вторые ратовали за разделение компетенций военной и политической сфер и призывали больше внимания уделить внутривполитической жизни страны.

Усугубила текущую ситуацию в Германии разразившаяся в России в феврале 1917 года революция.

В феврале 1917 года от верховного командования типографиям было направлено относительно иностранных новостей 1000 предупреждений. 4 апреля 1917 года в здании рейхстага была организована тайная конференция по цензуре. Важно заметить, что происходящие в России процессы часто обсуждались на предмет «примера для немецких обстоятельств». В мае 1917 года в канцелярии уже шла речь об одичании прессы, так как всё больше типографий стали отходить от цензурных требований. В июне 1917 года «Frankfurter Zeitung» отказалась от трансляции «навязанного мнения», что означало переписывание предварительной цензуры и рассматривалось как последнее средство против непокорных газет [1, S. 19].

В середине августа 1918 года газеты констатировали «низкий уровень настроения германского народа». «Среди важных причин снижения всеобщего оптимизма глава военной пресс-службы... привел обстоятельство, что отдел по внешним делам высшего военного руководства... возлагал на западное наступление большие надежды, за чем последовало такое теперь естественное разочарование» [1, S. 19]. Формируемое прессой под давлением цензуры ошибочное общественное мнение и ситуация на фронте и в тылу привели к появлению слухов и домыслов, на основании которых уже в начале октября 1918 года пошла речь об окончатель-

ном провале немецкого фронта.

Итогом контроля за информацией стало то, что осенью 1918 года большинство немцев на родине были ошеломлены военным поражением Германии. Эта новость вызвала у них шоковое состояние, что сравнимо с «легендой об ударе кинжалом» [10, S. 26]. Чтобы отвести от себя подозрение, правительство обвинило левые партии, организации и евреев, которые якобы ударили в спину. Разразившаяся в ноябре 1918 года революция завершила действовавшую систему и привела к установлению нового режима в Германской империи – парламентской демократии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, введение цензуры в Германской империи в годы Первой мировой войны не только сказалось на развитии печатного дела, но и повлияло на дальнейшую историю страны в целом. Пресса была важным инструментом информирования и одновременно заигрывания, с одной стороны, с властью, с другой – с населением. Цензура выступила инструментом пропагандистской и информационной фальсификации, предоставлявшим общественности сильно отличающуюся от реальности картину мира. Со временем масштаб искажения увеличивался и резонировал на все области жизни немцев: политику, культуру, экономику, быт, образование и т. д. Апогеем данного процесса стала ноябрьская революция 1918 года, которая окончательно изменила картину мира немцев, оставив прежние идеалы, такие как непоколебимая вера кайзеру и правительству, в прошлом.

Библиография / References:

1. Koszyk K. Deutsche Presse 1914-1945:

Geschichte der deutschen Presse. Teil III. – Berlin: Colloquium Verlag, 1972. – 587s. (in Deutsch).

2. Demm E. Censorship and Propaganda in World War I: A Comprehensive History. – London: Bloomsbury Academic, 2019. – 349p. (in Deutsch).

3. Wilke J. Zensur und Pressefreiheit // Europäische Geschichte Online (EGO), hg. vom Leibniz-Institut für Europäische Geschichte (IEG). Mainz. – 2013. – 18 April. [Электронный ресурс]. – URL: <http://ieg-ego.eu/de/threads/europaeische-medien/zensur-und-pressefreiheit-in-europa> (дата обращения: 15.08.22). (in Deutsch).

4. Neue Freie Presse. – 1916. – №18731. – 13. Oktober. (in Deutsch).

5. Deutsche Tageszeitung. – 1916. – № 277. – 31 August. (in Deutsch).

6. Deutsche Tageszeitung. – 1916. – №278. – 31 August. (in Deutsch).

7. Vorwärts. – 1916. – 31Mai. (in Deutsch).

8. Neue Freie Presse. – 1916. – №18743. – 25. Oktober. (in Deutsch).

9. Deutsche Tageszeitung. – 1916. – №311. – 20 Februar. (in Deutsch).

10. Der erste Weltkrieg 1914-1918. Begleit- heft zur Dauerausstellung. Berlin. 2013, 61s. (in Deutsch).